

ЖИРАФОВИДНЫЙ ИСТУЖАН

80 лет назад, 1 октября 1922 года в Москве состоялся концерт «джаз-банда» Валентина Парнаха. В этот день началась история отечественного джаза

А. П.: А как Парнах выглядел внешне? На рисунке Пикассо он изящен и худ, с выразительными глазами...
Е. Г.: Ну раз Пикассо увидел его таким красивым, значит, он таким и был. Хотя, мне кажется, Пикассо слегка его идеализировал, что ли. Это был рыжеватый человек с редкими волосами... Рыжеватость его

проскальзывала в основном в бороде, которую он брил не слишком часто... Знаете, такая рыжеватая щетина. Невысокого роста, очень худой. Тощий...

Аркадий ПЕТРОВ

Кто первым стал исполнять джазовую музыку в России? Утесов? Цфасман? Скоморовский? Рознер? Нет. Пионер этого жанра — мало известный широкому слушателю (и читателю) поэт, переводчик и хореограф Валентин Парнах (1891—1951). Его «Первый в РСФСР эксцентрический оркестр — джаз-банд» несколько лет работал, между прочим, в Театре Всеволода Мейерхольда. Состав этой группы был достаточно пестрым — тут были и музыканты из военных оркестров, и чистой воды любители. К числу последних относился и молодой в те годы писатель, драматург, киносценарист Евгений Иосифович Габрилович*. Помимо воспоминаний Габриловича, другие источники информации о Пар-

* Автор дважды встречался и беседовал с Евгением Габриловичем в начале 1980-х годов.

нахе и его оркестре неизвестны.

— Гражданская война была позади, жить стало полегче и повеселее; в моду вошли танцевальные вечера, и, таким образом, появилась нужда в людях, которые могли бы исполнять всевозможные модные мелодии. В таперах. Вот таким тапером я и оказался. Мне, правду говоря, и самому нравились все эти фокстроты, чарльстоны и тустепы. Играл я на разного рода вечеринках, естественно — совершенно безвозмездно. Было шумно, весело, я был в центре внимания — этого мне вполне хватало.

На одной из таких молодежных вечеринок с танцами я и встретился с Парнахом. Его дореволюционное прошлое — откуда он родом, где учился — мне не слишком известно. К моменту нашей встречи он уже год как вернулся на родину из Парижа. Это был пропагандист всего, что в начале 20-х годов считалось со-

временным и авангардным. Он не был композитором, не играл на инструментах, я не уверен даже, что он знал ноты. Он пришел к джазу, как любитель, «аматер». И я почти уверен, что джазом он заинтересовался лишь потому, что это было нечто новое, современное, скандальное. Для него эпатажирующие свойства джаза уже было достаточно, чтобы полюбить его.

Насколько я знаю, танцам он специально тоже нигде не учился, разве что взял несколько случайных уроков по пантомиме или балету. Но в Россию приехал уже сложившимся танцовщиком. Он мог часами говорить о жестках, движениях, танцах, о необходимости новой музыки к этим движениям... Он был абсолютно антибуржуазным человеком, у него не было имущества, дома. Я называл бы его визионером, мечтателем.

В Россию он приехал и как поэт, и как танцовщик. Для сопровождения ему нужен был оркестр. Кое-какие инструменты он привез с собой из Франции. Саксофона он как раз не привез. У него были всякого рода мелкие ударные (перкуссия) — трещотки, барабанчики, бубны. Был флексагон, издававший странный, заунывно-вибрирующий дрожащий звук. Такого инструмента у нас не знали, и флексагон привез ошеломляющее впечатление. Привез Парнах и сурдины

для медных. И снова потрясающий эффект!

В ансамбле у нас скрипки не было. Считалось, что она принадлежит к ненавистой классике и в такой группе, как наша, ее быть не может. Контрабас, помнится, не было. Были труба, саксофон, тромбон. Рояль (а точнее — пианино). Был большой набор ударных — барабаны, тарелки, хай-хэт. На ударных играл Александр Костомолоцкий — не столько музыкант, сколько артист-мим. Он у нас сидел впереди остального ансамбля, был единственным, кто был загримирован и одет в соответствующий экцентриский костюм тигра широкого пиджака с огромным бантом.

Один из концертов «Эксцентрического джаз-банд» состоялся 1 октября 1922 года в Доме печати (в этом здании сейчас помещается Дом журналистов) и стал сенсацией — ничего подобного Москва прежде не знала. Именно тогда я впервые увидел, как он тан-

цует свой знаменитый номер «Жирафовидный истужан».

Как выглядел этот танец? Это были движения вдоль и в глубину сцены — с размеренными механическими подергиваниями. Представьте себе танцующий оживший манекен. В определенный момент Парнах падал на пол и продолжал свой танец уже лежа на спине и дергая в воздухе ногами. Он был одет в черный костюм. Грим, белая манишка, галстук. Это было характерное для 20-х годов выражение механизации человека, автоматизации его эмоций.

Одним из тех, кто особенно

Он не был композитором, не играл на инструментах, я не уверен даже, что он знал ноты.

Джазом он заинтересовался лишь потому, что это было нечто новое, современное, скандальное

театр. Как только мы «врубались» в действие, весь зал оборачивался в нашу сторону. Из солистов наибольшим успехом пользовались ударник Костомолоцкий и, представьте себе, я, хотя пианистом я был весьма слабым.

Мы даже вошли в моду — нас стали часто приглашать на дипломатические приемы. В Театре Мейерхольда проработали три-четыре года, потом Мейерхольд к нашему коллективу заметно охладел. Мне кажется, оркестр окончательно распался в 1927 году. К этому времени, кстати говоря, в нашей стране появились гораздо более профессиональные исполнители, чем мы: оркестры ПЭКСа, Теплицкого, Цфасмана, Ландсберга, Утесова. Куда было мне, в общем-то любителю, связываться с таким блестящим мастером, как Цфасман! Короче, в 1926—27 годах с джазом я расстался. С маэстро я тоже рассорился и из театра ушел.

Как сложилась судьба моих коллег по оркестру, не знаю. Пожалуй, лишь Александр Костомолоцкий всегда был на виду — он стал актером (и неплохим) в Театре Революции. Судьба самого Парнаха мне тоже не очень ясна, но мне кажется, что это несчастливая судьба. Драматург А. Гладков пишет в своих мемуарах, рассказывая о жизни и быте писателей в эвакуации (Чистополь, зима 1942 года): «...Поэт и переводчик, книга стихов которого вышла с иллюстрациями Пикассо, Валентин Парнах, следил в столовке за парой мисок пустых шей, чтобы входящие плотно прикрывали дверь... Парнах был хорошим поэтом, но такая поэзия была в тридцатые годы уже не ко двору...»

1.10.02
503